

ЛЕДОВОЕ
ПОБОИЩЕ
РАЗГРОМ ПСОВ-РЫЦАРЕЙ

Виктор ПОРОТНИКОВ

Русь изначальная

Виктор Поротников
**Ледовое побоище.
Разгром псов-рыцарей**

«Яуза»

Поротников В. П.

Ледовое побоище. Разгром псов-рыцарей / В. П. Поротников — «Яуза», — (Русь изначальная)

1242 год. Судьба Русской земли висит на волоске. С востока накатываются волны монгольского нашествия – более половины княжеств лежат в руинах: вытоптаны степной конницей, вырезаны, выжжены дотла. С запада усиливается натиск Тевтонского ордена – уже пал Псков, угроза нависла над Господином Великим Новгородом. Забыв прежние обиды, князь Александр Невский спешит на помощь новгородцам. Здесь, на льду Чудского озера, решается судьба Руси. Здесь будет остановлен немецкий «дранг нах остен» и разгромлены «псы-рыцари». Ибо «кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет – на том стояла и стоять будет Русская земля!». Новая книга от автора бестселлеров «Побоище князя Игоря» и «Куликовская битва»! Решающая сеча русской истории глазами простых ратников, которые совершили невозможное, выстояв под ударом лучшей рыцарской конницы Европы и покрыв себя неувядающей славой. Вечная им память!

© Поротников В. П.

© Яуза

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	6
Глава первая	6
Глава вторая	12
Глава третья	16
Глава четвертая	21
Глава пятая	25
Глава шестая	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Виктор Петрович Поротников Ледовое побоище. Разгром псов-рыцарей

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая ВАСИЛИСА-КРАСА

– Зачем этот Бедослав таскается сюда чуть ли не каждый день? – Иван Мелентьевич пристально посмотрел на сестру. – Как ни приду к тебе домой, так непременно с этим мужчиной сталкиваюсь! Не дело это, Василиса. Ты женщина замужняя, незачем давать повод для слухов и кривотолков.

Сидевшая на стуле Василиса, сматывающая в клубок длинную шерстяную нить, взглянула на брата с еле заметной усмешкой.

– Я – женщина замужняя, токмо мужа своего уже четвертый месяц не вижу. Укатил Терентий в Псков и как в воду канул! Нету от него ни слуху ни духу.

– Супруг твой по купеческим делам в Псков уехал, сестра, – назидательным тоном проговорил Иван Мелентьевич, неспешно прохаживаясь по просторной горнице. – Купец он видный, дела ведет на широкую ногу, сама знаешь. Где большой прибылью пахнет, там нужен глаз да глаз. Потому-то Терентий и подзадержался во Пскове.

– Ежели хозяина в доме нет, значит, хозяйка должна за домом следить, – в тон брату промолвила Василиса. – У меня воротная калитка обветшала и теремное крыльцо прохудилось. Вот я и наняла Бедослава, ибо плотник он умелый и за работу свою плату большую не просит.

– Вижу, калитка у тебя ныне новая, сестра, и на крыльце все ступеньки дубовым тесом отделаны, – сказал Иван Мелентьевич, задержавшись у окна, выходящего на теремной двор. – Дело свое Бедослав знает, ничего не скажешь. Вот токмо работа его в тереме твоём, по-моему, шибко затянулась, Василиса. Начал Бедослав с калитки воротной, потом крыльцо починил, теперь же лестничные перила в тереме меняет.

– Перила на лестнице, ведущей на второй ярус, расшатались совсем, поэтому я велела Бедославу и ими заняться, – пожалала плечами Василиса. – Что тут такого?

– Мнится мне, сестра, что не за денежным прибытком гонится Бедослав. Глаз он на тебя положил. – Иван Мелентьевич отошел от окна и сел на скамью напротив Василисы. – А тебе, глупой, и невдомек!

– Отчего же невдомек, все я вижу и понимаю! – рассердилась Василиса, швырнув скатанный клубок в корзину. – Может, мне приятно сознавать, что я нравлюсь Бедославу. Он хоть и не знатного роду-племени, зато молодец собою видный! Покрасивее супруга моего да и ростом его повыше.

– Так я и думал! – Иван Мелентьевич с досадой хлопнул себя ладонью по колену. – Снюхалась моя сестрица с мужчиной сиволапым! Вот беда-то! Тебя бы розгами за это отхлестать, Василиса.

– Муж приедет из Пскова, отхлестает, – спокойно промолвила Василиса, глядя брату в глаза. – То не твоя забота, Ваньша.

– Эх, бесстыжая! – Иван Мелентьевич резко вскочил со скамьи с перекосившимся лицом. – Исповадил тебя наш батюшка, все лелеял тебя да холил! Жаль, помер он до времени, а то поглядел бы сейчас на свою любимицу, которая столько воли себе взяла, что честь мужа ни во что не ставит!

– Батюшка не выдал бы меня замуж за Терентия, – огрызнулась Василиса. – Это через твои происки, брат, я стала его женой! По твоей милости делю ложе с нелюбимым супругом!

Ступай отсель, Иван. Не тебе меня укорять и стыдить, ибо у тебя тоже рыльце в пуху. Думаешь, я не ведаю, от кого родила сына соседка моя Лукерья.

– Лукерья совет недорого возьмет! – недовольно обронил Иван Мелентьевич, чуть смутившись.

Он тут же засобирался домой, схватил со стола шапку, набросил на плечи плащ, пробурчал прощальные слова и скрылся за дверью.

Василиса слышала, как сапоги брата протопали через соседнюю светлицу и неотапливаемые сени, стукнула входная дверь в терем, и все стихло. Подойдя к окну, Василиса смотрела, как ее брат шагает через озаренный солнцем двор к воротной калитке из свежеструганых березовых досок. От быстрого шага полы его бордового суконного плаща развевались, словно крылья птицы.

Неожиданно калитка отворилась и брат Василисы столкнулся нос к носу с плотником Бедославом, который уходил домой за теслами и деревянным молотком, а теперь вернулся, чтобы продолжить свою работу в тереме.

Судя по выражению лица Ивана Мелентьевича, он встретил плотника не очень-то приветливыми словами. Между ними завязалась явно недружелюбная беседа.

Василиса поспешила во двор, дабы не допустить потасовки между Бедославом и своим вспыльчивым братом. Она успела как раз вовремя. Иван Мелентьевич уже держал плотника за грудки обеими руками и встряхивал его так, что на том рубаха трещала по швам.

– Не смей на мою сестру облизываться, серьяжник! – грозно молвил при этом Иван Мелентьевич. – Заканчивай живее с перилами и проваливай отсель! Думаешь, коль супруг Василисы далече, так за ней приглядеть некому.

– Окстись, купец. Я лишнего себе не позволяю, мое дело топориком стучать да пилой елозить, – невозмутимо отвечал Бедослав. – Рубаху-то не рви. Чай, я тебе не холоп.

– Отпусти его, Иван, – вмешалась Василиса. – Иди своей дорогой! Бедославу пора за работу приниматься. Не затевай свару на пустом месте.

Сверкнув злыми очами, Иван Мелентьевич подчинился сестре и толкнул плечом калитку.

Пройдя по улице до поворота, Иван Мелентьевич наткнулся на Лукерью, которая шла ему навстречу со стороны рынка. В руках у нее была небольшая корзинка с покупками, укрытыми белым платком.

Это была молодая женщина с правильными чертами лица, с серо-голубыми глазами и чувственным ртом. Лукерья была стройна и невысока ростом. Ходила она всегда с прямой осанкой и горделиво поднятой головой, как бы подчеркивая этим свое боярское происхождение.

Отцом Лукерьи был боярин Озим Напатьевич, известный в Новгороде бабник, получивший еще в молодости прозвище Легостай, то есть ветреник. Озим Напатьевич был трижды женат, все его жены скончались до срока от болезней и при неудачных родах. От двух первых жен Озим Напатьевич имел троих сыновей, а от последней – дочь Лукерью. Так получилось, что внешностью Лукерья уродилась в мать, а распутным нравом – в отца.

Лукерья вышла замуж за купца Смирю Прокловича. Причем Смиря-увалень повел Лукерью под венец уже беременную от ее сводного брата. Смиря женился на Лукерье, польстившись на ее богатое приданое и уступив уговорам Озима Напатьевича. Родня Смири невзлюбила Лукерью с первого дня знакомства с нею, поскольку та особо и не скрывала, что супруг ей безразличен. После рождения дочери Лукерья всерьез увлеклась Иваном Мелентьевичем, дом которого стоял в соседнем переулке.

На Ивана Мелентьевича заглядывались многие женщины, так как это был мужчина статный и красивый, с большими синими очами и светло-русыми кудрявыми волосами. Пустив в ход все свои чары, Лукерья быстро затащила Ивана Мелентьевича в свою постель, хотя и знала,

что он уже женат и счастлив в супружестве. Любовники больше года скрывали свою связь. Однако многие из соседей живо раскумекали что к чему, когда Лукерья родила сына, как две капли воды похожего на Ивана Мелентьевича.

Ныне между Лукерьей и Иваном Мелентьевичем не было и намека на близкие отношения, они даже встречались очень редко после того, как Иван Мелентьевич переехал вместе с семьей в новый дом к самому берегу Волхова.

– Вот так встреча! – промолвила Лукерья с лукавой улыбкой, загораживая дорогу Ивану Мелентьевичу. – Давненько мы с тобой не виделись, Иванко. Похоже, ты совсем позабыл обо мне. А я вот забыть тебя не могу.

– Здравствуй, Луша, – пробормотал Иван Мелентьевич. – Как поживаешь?

– В тоске прозябаю без твоих ласк, голубь мой, – ответила Лукерья с печальным вздохом. – Засыхаю на корню. Муженек мне опостылел хуже горькой редьки! Одна у меня отрада в жизни – сыночек Тиша. У него глаза, нос и волосы, как у тебя, Иванко. Тиша даже смеется, как ты. Ему уже три года. Хочешь взглянуть на него?

– В другой раз, Луша, – отказался Иван Мелентьевич. – Тороплюсь я по делам.

– Другого раза может и не представиться, милоч. – Лукерья схватила бывшего любовника за руку, видя его намерение продолжить путь. – Слыхал, наверно, безбожные татары владими́ро-суздальские земли разорили, всего сто верст не дошли до Новгорода. В прошлом году нехристи степные Черниговское княжество опустошили, Муром и Нижний Новгород огнем спалили. Ныне орда хана Батыги к Киеву подвалила. Муж мой страшится, что татары на Новгород коней повернут. Собирается Смиря бежать в Ладогу. Смиря и сейчас в Ладоге пребывает, дом там себе подыскивает.

Говоря все это, Лукерья не выпускала руку Ивана Мелентьевича из своей руки, глядя ему прямо в очи. Во взгляде у нее так и сквозило, мол, вспомни, милоч, наши былые тайные встречи, не упускай такой удобный случай помилиться с той, которая так сохнет по тебе! Смиря далече, и он нам не помеха!

Иван Мелентьевич, может, и устоял бы перед таким соблазном, если бы хитрая Лукерья не поманила его обещанием рассказать ему кое-что интересное про сестру его Василису и плотника Бедослава.

Лукерья провела Ивана Мелентьевича в свой дом через задний ход, которым в основном пользовались ее челядинки и конюх-холоп. Они поднялись на самый верхний ярус по скрипучим ступеням и оказались в светлице, где обычно ночевали гости. Этот полутемный теремной покой был хорошо знаком Ивану Мелентьевичу. В прошлом ему не раз доводилось уединяться здесь с Лукерьей для греховного сладострастия.

– Ты хотела поведать мне что-то про Бедослава и Василису, – напомнил Лукерье Иван Мелентьевич, сняв шапку и сделав несколько шагов от дверей к окну. При этом он наклонял голову, чтобы не удариться о низкие потолочные балки. – Молви же, Луша. Не тяни!

– Сначала дело, милоч, а уж опосля разговоры, – промолвила Лукерья, задвинув деревянную задвижку на двери.

Увидев соблазнительную наготу Лукерьи, ее зовущие бесстыдные очи, Иван Мелентьевич тотчас почувствовал, как его окутывает тепло растекающейся по всему его телу необузданной похоти. В ожидании, покуда ее нерасторопный любовник избавится от одежд, Лукерья улеглась на постель, изогнувшись своим красивым гибким телом, забросив руки за голову и разметав по одеялу распущенные темно-русые волосы.

Отдаваясь Ивану Мелентьевичу, Лукерья широко раздвинула ноги, уперев свои пятки ему в ягодицы. Все ощущения, когда-то испытанные им на ложе с Лукерьей, вновь обрушились на Ивана Мелентьевича неким сладостным водопадом. Он осушил эту греховную чашу залпом и до дна.

Приходя в себя после бурной сладострастной гимнастики, двое любовников, лежа в обнимку, завели неторопливую беседу.

Оказалось, что с плотником Бедославом Лукерья познакомилась раньше Василисы, случилось это еще в позапрошлом году.

– Бедослав родом из Торжка, – молвила Лукерья, положив голову на крепкое плечо Ивана Мелентьевича. – Татары напали на Торжок и спалили его дотла. Однако несколькими сотням новоторов удалось вырваться сквозь татарские заслоны и уйти в леса. Было это в начале марта, повсюду еще лежал глубокий снег. Среди этих смельчаков оказался и Бедослав. Беглецы из Торжка добрались до Новгорода и осели здесь.

Бедослав был ранен стрелой татарской. Его лечила знахарка Проскудя, что живет на Лубянице. В ту пору и я к Проскуде ходила, зубную боль она мне заговаривала. В домишке Проскудином я и познакомилась с Бедославом. Он мне сразу приглянулся. Ты ко мне тогда уже охладел, Иванко. Вот я и закрутила любовь с Бедославом. Сначала мы встречались у Проскуди, потом где придется. Узнав, что Бедослав по плотницкому делу мастак, я дала ему работу у себя на подворье для отвода глаз, а сама... – Лукерья усмехнулась. – Сама тащила Бедослава в постель при всяком удобном случае. Служанки все знали, но помалкивали. Им ведь ссориться со мной резону нет.

Продолжая свой дальнейший рассказ, Лукерья уселась на постели так, чтобы видеть лицо своего любовника.

– Все было хорошо, покуда Бедослав не попался на глаза твоей сестрице Василисе, – в голосе Лукерьи промелькнули нотки досады и неудовольствия. Ее нежные пальцы сжались в кулачок, которым она слегка ударила Ивана Мелентьевича по его мускулистой груди. – Уж и не помню, зачем приходила ко мне в тот день Василиса, токмо увидела она Бедослава, который чинил скамью во дворе, и будто невидимая нить меж ними протянулась. Заметила я, как Бедослав таранился на Василису. Но и Василиса Бедослава улыбочкой одарила. Молодцу-удальцу много ли надо, коль в сердце у него огонь и в жилах не водица, как у мужа моего. В общем, распрощался со мной Бедослав и теперь во дворе у Василисы топориком стучит. Что и говорить, Иванко, красотой сестрица твоя всех девиц и молодых в нашем околотке затмила. Вот и Бедослав запал на нее. – Из груди Лукерьи вырвался тяжелый вздох. – Я полагала, что горячей меня на ложе Бедослава никого не сыскать, но похоже, Василиса и тут перещеголяла меня.

– Думаешь, у Василисы с Бедославом уже дошло и до постели? – встрепенулся Иван Мелентьевич, впившись взглядом в лукавые очи Лукерьи, осененные густыми ресницами.

– Конечно, дошло, – усмехнулась Лукерья, отбросив со своего румяного лица густую выющуюся прядь. – Чай, сестрица твоя не из теста слеплена, милок. Ей тоже хочется постонать под молодым, у которого кол между ног, как у жеребца, и силушки хоть отбавляй. Мне доподлинно известно, что Василиса не единожды мылась с Бедославом в бане, а позавчера Бедослав ночевал у нее в тереме. О том служанки мои шептались наперед, а они дружат с челядинками из окружения Василисы.

– Вот паскудница! – рассердился Иван Мелентьевич. – Ну, я ей покажу кузькину мать! Терентий из Пскова приедет, все ему выложу, пусть он отлупит Василису плетью.

– Не вздумай, Иван! – нахмурилась Лукерья. – Хоть Василиса и перешла мне дорогу, я зла ей не желаю. Терентий уже как-то поколотил Василису, приревновав ее к кому-то, да так, что у нее выкидыш случился. Получается, что Терентий в гневе сыночка своего нерожденного убил. Грех на душу взял.

– А супругу изменять разве не грех? – сказал Иван Мелентьевич, натягивая на себя порты.

– Кто может поручиться, милок, что Терентий сам не изменяет Василисе, – загадочно проговорила Лукерья, привычными движениями заплетая свои длинные волосы в косу. – Все вокруг грешат: кто-то больше, кто-то меньше... Ты вот, согрешил со мной сегодня, а мне от

этого приятно! Да и ты от сего греха удовольствие испытал, милоч. Разве нет? – Лукерья игриво подмигнула Ивану Мелентьевичу и рассмеялась, сверкнув белыми ровными зубами.

* * *

Родственников в Новгороде у Бедослава не было, здесь имелся у него один давний приятель Степан по прозвищу Колтыга. На здешнем славянском диалекте «колтыга» означает колченогий, хромой. Степан еще в детстве сломал левую ногу, упав с дерева. Нога срослась неудачно, и с той поры Степан охромел.

Занимался Степан Колтыга извозом. У него имелась большая добротная телега и пара хороших лошадей. Иноземные купцы, прибывавшие в Новгород водным путем на кораблях, нанимали извозчиков, вроде Степана Колтыги, для доставки своих товаров сухим путем в ближние к Новгороду города: Торopez, Псков, Вышний Волочек, Русу, Торжок... Иные из купцов забирались и дальше по лесным дорогам, до Полоцка и Твери.

В один из своих приездов в Торжок Степан Колтыга и свел знакомство с Бедославом, который починил сломанный бортик на его возу. Когда Бедослава постигла беда, то его, раненого и полуобмороженного, приютил в своем доме Степан Колтыга. Оклемавшись от раны, Бедослав принялся плотничать, не гнушаясь никакой работой. Работал он и в артели, но чаще предпочитал трудиться в одиночку. Почти все заработанные деньги Бедослав отдавал Степану и его жене Марфе, себе оставлял самую малость для покупки новой одежды и обуви.

Степан знал об увлечении Бедослава легкомысленной Лукерьей и о том, что с некоторых пор сердце Бедослава полонила красавица Василиса, замужняя купчиха. Степан пытался отговаривать Бедослава от этой тайной связи с Василисой, ибо ему было ведомо, сколь могущественны новгородские купцы-толстосумы.

«Коль разнохают родичи Василисы иль супруга ее, на чье теплое ложе ты покусился, друже, то не оставят от тебя ни рожек ни ножек! – молвил Степан Бедославу. – Я тебе ничем помочь не смогу, ибо человек я маленький. А вся власть в Новгороде у купцов и бояр! Помни об этом, приятель, когда вновь станешь обнимать Василису».

Вскоре после стычки Бедослава с Иваном Мелентьевичем подвернулась Степану Колтыге работа – доставить груз одного немецкого купца в Псков. Обоз из двух десятков возов ушел из Новгорода в конце августа. Через неделю Степан Колтыга вернулся обратно с деньгами и подарками для жены и детей.

Вечером у Степана с Бедославом произошел такой разговор.

– Слушай, друже, что мне удалось узнать во Пскове, – приглушенным голосом молвил Степан, уперев локти на край стола. – Немец, товар коего я отвозил в Псков, оказывается, дружен с псковским боярином Твердилой Иваньковичем. Товар выгружали на подворье у Твердилы.

Мне удалось краем уха подслушать, о чем калякают Твердила и Норберт, купчишка немецкий. Норберт по-нашему хорошо говорит. Твердила сказал Норберту, что его крестница Мстислава осенью замуж выходит за новгородского купца Терентия Власича, а посему подыскивает он подарок для крестницы. Твердила просил Норберта пособить ему в этом деле. Норберт похвастался, мол, ему есть чем порадовать Твердилу и Мстиславу. После чего оба ушли в терем смотреть какие-то золотые украшения, привезенные Норбертом из Любека.

Бедослав отодвинул от себя недопитую кружку с квасом и пытливо взглянул на Степана.

– Ничего не путаешь? – волнуясь, промолвил он. – Именно такие слова и говорил Твердило?

– Правду говорю, друже, – сказал Степан. – Твердило добавил еще, что помолвка Мстиславы с Терентием Власичем уже состоялась, мол, теперь дело за свадебным пиром.

– Ну и дела! – покачал головой Бедослав. – Так вот по какой причине Терентий из Пскова носа не кажет. Надоела ему дочь купеческая, решил взять в жены дочь боярскую!

– Расскажи об этом Василисе, – предложил Степан Бедославу. – Она тебе нравится, вот и действуй! Терентий дурень набитый, ежели красавицу Василису на какую-то Мстиславу променял. Лови удачу за хвост, друже!

– Не могу я пойти на это, – вздохнул Бедослав. – Будет лучше, ежели Василиса узнает обо всем не из моих уст. Я-то к ней тянусь со всей душой, но есть ли в ней чувства ко мне, бог ведает. Она же купеческая дочь, а я – бедняк безродный. К телу своему Василиса меня допустила, но сердце свое она мне пока не открыла. Понуждать Василису к этому я не имею права. Опять же родня у нее имеется, которая не допустит, чтобы Василиса связала свою жизнь с таким оборванцем, как я.

Бедослав опять тяжело вздохнул и потянулся к кружке с квасом.

– Временами и смерд боярину берет, – проговорил Степан. – Не унывай раньше времени, младень. Ты вон какой статный да пригожий! И годами моложе Терентия. Бабы на красивое падки. Окрутишь Василису – станет она твоей, а промедлишь – другому она достанется. На такую красавицу многие облизнутся: и юнцы и вдовцы.

– Отступаться от Василисы я не собираюсь, – сказал Бедослав, отхлебнув квасу, – но и влезать в ее отношения с супругом мне как-то не с руки. Чего доброго, Василиса подумает, что я из корыстных побуждений лгну к ней и на мужа ее наговариваю. Нет, нельзя мне являться к Василисе недобрым вестником.

– Ну, давай я расскажу Василисе про псковскую зазнобу Терентия, – промолвил Степан, тронув друга за плечо.

– Тебе тоже нельзя влезать в это дело, Степа. – Бедослав затряс спутанными космами. – Ты мой ближник. Я живу в твоём доме. Василиса знает об этом. Она и в твоём поступке корысть углядеть может.

– Не хочешь навязываться Василисе. – Степан смерил Бедослава насмешливым взглядом. – С твоей гордостью токмо в парче ходить!

– Для начала мне и впрямь неплохо бы приодеться, – ворчливо обронил Бедослав. – Купцы и бояре всякого человека встречают по одежке. Деньгами мне нужно разжиться, покуда Терентий во Пскове Мстиславу обхаживает.

– Что ж, ты – человек свободный, – рассудил Степан, – хоть и ходишь не в шелках, зато долгами не обременен. А коль зазвенит серебро у тебя в кошеле, то ты и всякому купцу ровней станешь. Однако для большого заработка тебе нужно в артель наниматься, которые деревянные терема возводят и бревнами улицы мостят в Новгороде, либо идти на верфи ладьи строить.

– Верно молвишь, друже, – проговорил Бедослав. – Завтра же схожу на пристань, потолкаюсь среди корабельщиков.

Глава вторая

СЛУХОМ ЗЕМЛЯ ПОЛНИТСЯ

После всего услышанного о Василисе из уст Лукерьи Иван Мелентьевич совсем покой потерял. Никакие дела на торгу не шли ему на ум. Обходя свои торговые лабазы, Иван Мелентьевич срывал свое раздражение на своих помощниках, придираясь к ним по всякому пустяку.

Направляясь к мосту через Волхов, Иван Мелентьевич неожиданно столкнулся с купцом Яковом, по прозвищу Катырь. Яков любил нагонять на себя важность, хоть и был еще молод, но всюду ходил с посохом в руке. Отсюда он и получил свое прозвище. «Катырем» новгородцы называли посох и вообще любую длинную палку.

Яков был нечист на руку, поэтому Иван Мелентьевич с ним не знался и никаких дел не вел. Они были давними знакомцами, поскольку когда-то жили на одной улице.

Иван Мелентьевич очень удивился, когда Яков после обмена приветствиями завел с ним речь о Василисе, сетуя на то, что та вот-вот овдовеет в неполные двадцать пять лет.

– Что ты мелешь, пустомеля! – рассердился Иван Мелентьевич. – Супруг Василисы жив-здоров! Терентий в Пскове пребывает, дела у него там.

– Ты что же, ничего не знаешь?! – Яков изумленно приподнял свои густые брови, чуть вытаращив круглые бледно-голубые глазки. – Так я тебе сейчас все поведаю, приятель.

Вцепившись в локоть Ивана Мелентьевича, Яков чуть ли не захлеб принялся рассказывать ему о намерении Терентия жениться на некоей знатной псковитянке. Мол, уже и помолвка состоялась.

– Кто тебе наплел об этом? – спросил Иван Мелентьевич, высвободив свою руку из цепких пальцев Якова. – Где ты наслушался таких бредней?

– Слухом земля полнится, – с таинственной полуулыбочкой ответил Яков. – Я же не из злорадства говорю об этом, Иван. Пес с ним, с этим Терентием! Он никогда мне не нравился. Оставит Терентий Василису, ей токмо лучше будет. Выйдет Василиса замуж за такого человека, который по-настоящему ее любить будет.

– Ты к чему это клонишь? – насторожился Иван Мелентьевич.

– А к тому, что намерен я посвататься к Василисе, – проговорил Яков, чуть приосанившись. – Ты же знаешь, что я вдовствую уже второй год. Со мной Василиса будет счастлива. Терем у меня добротный, земля есть по реке Мсте, где я выращиваю лен и овес. Добра всякого у меня полны сундуки...

– Ты скажи, какая ворона тебе такое накаркала? – потребовал Иван Мелентьевич, нависая над коротконогим Яковом. – Почто я об этом ничего не знаю?

– На торгу об этом люди говорили, а я подслушал, – пожал плечами Яков. – Люди зря трепаться не станут. Иван, ты скажи Василисе, что я готов взять ее вместе с дочкой. С моей стороны ей ни в чем отказу не будет.

Повернувшись к Якову спиной, Иван Мелентьевич решительно зашагал к улице Славной, самой длинной улице на Торговой стороне.

На этой улице проживал старший брат Терентия – Михей Власич.

– Иван, я готов взять Василису и без приданого, – бросил Яков вослед брату Василисы.

Но Иван Мелентьевич даже не оглянулся, быстро затерявшись в многолюдной толпе.

Михей Власич был мужчина крупный и громкоголосый, нрав имел прямой и несдержанный. Самым любимым его занятием была соколиная охота. Весь Новгород знал, что самые быстрые и ловкие ловчие птицы не у кого-нибудь, но у Михея Власича. Однако в последнее время выяснилось, что у новгородского князя Александра Ярославича соколы и кречеты ничуть не хуже, а может, даже и лучше, чем у купца Михея. Это обстоятельство сильно беспо-

коило спесивого Михея Власича. Он был готов выкупить у князя его лучших птиц за любые деньги, но на все подобные предложения получал неизменный отрицательный ответ.

Молодой князь Александр, победив этим летом шведов на реке Неве, получил прозвище Невский. Громкая ратная слава, свалившаяся на плечи двадцатилетнего Александра, расположила к нему простой новгородский люд и породила немало завистников в среде местных бояр. Боярской верхушке казалось, что Александр забрал себе слишком много власти в Новгороде, часто принимая решения, не советуясь ни с посадником, ни с тысяцким.

Увидев перед собой Ивана Мелентьевича, который потребовал разъяснений по поводу всего услышанного им от Якова Катыря, Михей Власич сморщился как от зубной боли.

– Чего ты раскричался, как торговка на базаре! – недовольно промолвил Михей Власич, отшвырнув деревянную ложку, которой он пробовал разные сорта меда из стоящих перед ним на столе нескольких глиняных мисках. – Ведомо ли мне, что Терентий намерен взять себе другую жену, а Василисе дать развод? Да, ведомо. Почто я тебя не известил об этом? Ну, брат, кто ты такой, чтобы я отчитывался перед тобой за поступки брата своего! Не много ли ты на себя берешь, Ивашка? По сравнению со мной и Терентием ты же мелкая рыбешка! Сколько у тебя лабазов на торгу, три? А у меня семь. Сколько ладей ты имеешь, две? А у меня пять ладей на плаву и три в достройке. Вот так-то! А посему голосок свой умерь, Иван. Не на того нарвался!

Сестра твоя хоть и красива, да блудлива, поэтому Терентий и надумал выставить Василису за порог. Скажешь, у него права такого нету? Молчишь. То-то! Скоро Терентий сам в Новгороде объявится. Тогда он и разъяснит тебе, Иван, что, как и почему. А теперь проваливай отсель, дознаватель хренов!

Из хоромов Михея Власича вышел Иван Мелентьевич как оплеванный. Ругаясь сквозь зубы, направился он напрямик к дому Василисы.

Ворота оказались на запоре изнутри, на стук никто не отозвался. Заподозрив неладное, Иван Мелентьевич перелез через частокол. В тереме оказались лишь две служанки. Одна спала крепким сном, упившись хмельного меда, другая убаюкивала пятилетнюю дочь Василисы после прогулки на свежем воздухе.

– Где хозяйка? – вперив в служанку злые очи, прошипел Иван Мелентьевич. – И не вздумай мне лгать!

– В бане она, но... не ходил бы ты туда, господине, – испуганно пролепетала челядинка, вжимаясь в спинку стула. – Госпожа там не одна!

– Тем лучше! – проворчал Иван Мелентьевич, бесшумно отступая к двери, дабы не разбудить спящую племянницу.

Обходя гряды с огурцами и тыквами, Иван Мелентьевич прокрался к бане, сложенной из толстых сосновых бревен, потемневших от времени. Единственное окошко было завешано плотной тканью изнутри. Сквозь зеленоватое стекло и ткань из парильни доносились смутные звуки, там негромко стонала и вскрикивала женщина, хотя эти неясные стоны вполне можно было принять и за женский плач.

Иван Мелентьевич проник в предбанник, стараясь не скрипнуть дверью. В полумраке на скамье он разглядел небрежно брошенную мужскую одежду, рядом с которой лежала женская исподняя сорочица, цветастый сарафан и белый плат. Под скамьей стояли рядышком стоптанные мужские сапоги и пара изящных женских сафьянных башмачков. Эти желтые чувяки были подарены Василисе супругом на прошлогоднюю Пасху.

«Вот я вас и застукал, голубки! – злорадно подумал Иван Мелентьевич, берясь за медную ручку на двери, ведущей в парильное помещение. – Права оказалась Лукерья!»

Он невольно замер, услышав за дверью протяжные сладострастные стоны Василисы и ее умоляющий голос, скороговоркой просивший о чем-то. Сердце бешено застучало в груди у Ивана Мелентьевича, кровь зашумела у него в голове. Потянув дверь на себя, он заглянул в

теплый сумрак парильни, пропитанный густым духом березовых и дубовых веников, а также сладким дымком можжевельника и настоящим на мяте квасом.

Зрелище, открывшееся Ивану Мелентьевичу, внезапно лишило его дара речи. Весь его гневный пыл куда-то вдруг улетучился, когда он узрел свою белокожую нагую сестру, полулежащую на полке и опирающуюся согнутыми в коленях ногами на вкопанную рядом с полоком широкую деревянную ступеньку. Прогнув свою гибкую спину, Василиса ритмично и сильно насаживалась своим чревом на огромный вздыбленный жезл загорелого мускулистого молодца, пристроившегося к ней сзади. Иван Мелентьевич не сразу узнал Бедослава, поскольку впервые увидел его обнаженного, к тому же спутанные волосы закрывали тому лицо.

Иван Мелентьевич, как завороченный, глядел на белые округлые ягодицы Василисы и на детородную дубину Бедослава, которую тот раз за разом вгонял меж этих роскошных нежных ягодиц, издавая шумные вздохи и блаженные стоны. Увлеченные своим неистовым соитием, Бедослав и Василиса даже не заметили появления постороннего лица, подглядывающего за ними.

«Этот Бедослав воистину настоящий жеребец! – промелькнуло в голове у Ивана Мелентьевича. – Не зря он так приглянулся развратнице Лукерье. Коротышке Терентию до него далеко! Да и мне, пожалуй, тоже».

С чувством не то зависти, не то уязвленного самолюбия Иван Мелентьевич осторожно прикрыл дверь и удалился из бани. Пробираясь по тропинке между густыми зарослями смородины, он производил мысленное сравнение соблазнительных прелестей своей сестры с телесными формами Лукерьи. И сравнение это было явно не в пользу последней.

«Каким образом Михей Соколятник прознал, что Василиса неверна своему мужу? – размышлял Иван Мелентьевич, присев на ступеньку теремного крыльца. – Ох, и натворила Василиса делов, связавшись с этим плотником Бедославом! Теперь слух этот пройдет по всему Новгороду! А может, это козни Лукерьи, которая таким образом мстит Василисе за то, что та сманила у нее Бедослава?»

Иван Мелентьевич решил дожидаться, когда любовники намилуются в бане, чтобы затем открыть Василисе глаза на всю неприглядность ее положения, ибо ей грозит не просто развод, а еще и клеймо неверной жены.

* * *

В ожидании сестры и ее любовника Иван Мелентьевич ушел с крыльца, спасаясь от палящих лучей солнца, и принялся бродить по широкому двору, держась в тени высокого тына, за которым находился соседний дом и двор. Там жил торговец мясом Свирыта Резник. За Свирытой ходила слава похабника и греховодника. Еще Свирыта был падок на хмельное питье.

«Может, Свирыта подглядел за Василисой и Бедославом, а потом донес Михею Соколятнику? – мелькнула мысль у Ивана Мелентьевича. – Свирыта ведь на любые пакости горазд! Такой сосед хуже огня!»

Набежавшие белые облака закрыли солнце. Сразу повеяло прохладой.

Иван Мелентьевич вновь примостился на крыльце, вертя шапку в руках. Невеселые думы одолевали его.

Наконец во дворе появились Василиса и Бедослав, улыбающиеся и раскрасневшиеся. Увидев Ивана Мелентьевича, Бедослав сразу же выпустил руку Василисы из своей руки. Плотник слегка нахмурился, с алых уст Василисы мигом исчезла улыбка.

– Здравствуй, сестрица! – с ехидной улыбкой промолвил Иван Мелентьевич, поднимаясь со ступеньки. – Ты никак с работничком своим в баньке парилась, а?

– У меня в бане пол прохудился, так я водила туда Бедослава, чтобы он сам посмотрел, что ему потребуется для ремонта, – заметно смутившись, проговорила Василиса. – Давно ли ты здесь, брат?

– Вы там, наверно, сразу и помылись, в бане-то? – с тем же ехидством продолжил Иван Мелентьевич, пропустив вопрос Василисы мимо ушей. – А то я в предбанник-то заглянул, а там на скамье одежда ваша лежит. Из парильни охи да стоны доносятся. Небось, пропарил тебя Бедослав, сестрица, и вдоль и поперек! Я слышал, как ты вскрикивала, мол, «давай еще», «давай сильнее», «возьми меня»...

Бедослав неловко закашлялся, опустив глаза и не зная, куда деть руки. Василиса залилась краской стыда.

– Не кривляйся, братец! – сердито сказала она. – Признайся, видел, чем мы занимались в бане?

– Видел, – ответил Иван Мелентьевич, враз посерьезнев. – И вот что я тебе скажу, голу-бушка...

– Ну, коль видел, так помалкивай! – оборвала его Василиса. – За это я перед мужем ответ держать буду. То не твоя забота!

– Да ведомо ли тебе, глупая, что Терентий нашел себе зазнобу во Пскове, собрался на ней жениться, а тебя за порог выставить! – чеканя слова, громко произнес Иван Мелентьевич, встряхнув Василису за плечи. – О твоём блюде уже донесли Михею Соколятнику, наверняка и Терентию об этом стало известно. Не забывай, дуреха, кто у тебя в соседях! За забором похабник Свирыта, а через дорогу блудница Лукерья, у которой ты хахаля отбила!

– Мне без разницы, что за слухи про меня люди распускают, – заявила Василиса, глядя брату прямо в очи. – Мы с Бедославом решили пожениться.

От изумления и негодования Иван Мелентьевич рассмеялся нервным смехом, всплеснув руками.

– Ты спятила, что ли?! – заорал он на сестру, вытаращив глаза и размахивая руками. – За кого ты замуж собралась, безмозглая?! За мужика похотливого, у коего нет ни кола ни двора!

– У меня приданое есть, на него мы с Бедославом и станем жить, – невозмутимо промолвила Василиса. – А то, что Терентий решил развод мне дать, так это даже лучше. Значит, обойдемся без лишних объяснений. Терентий давно знает, что я не люблю его.

– Променяла купца на плотника! – презрительно скривился Иван Мелентьевич, глядя на Василису. – Эх, ты, дурища набитая!

– Чем это мое ремесло хуже твоего, купец? – уязвленно проговорил Бедослав, шагнув к Ивану Мелентьевичу. – Я хожу хоть и не в парче, но и не в парше. За лихвой не гоняюсь и людей не обвешиваю.

– А я, значит, людей обвешиваю, так? – Иван Мелентьевич угрожающе повернулся к Бедославу. – Вздуть бы тебя как следует за такие слова, сермяжник! Да руки об тебя марать не хочется!

Василиса встала между братом и Бедославом, видя, что они готовы сцепиться друг с другом.

Глава третья

НЕТ ХУДА БЕЗ ДОБРА

– Давно уже минули те времена, когда во Пскове правили присланные из Новгорода посадники, – молвил боярин Твердило Иванькович, восседая во главе стола, уставленного яствами. – Ныне Псков стоит как гора, ни в чем не уступая Новгороду! Пусть на новгородском вече кричат, что с Ливонским орденом дружить нельзя, что рыцари-латиняне для Руси – враги заклятые. Нам, псковитянам, до этих криков дела нету. – Твердило сделал паузу, обведя взглядом всех сидящих с ним за одним столом. – У нас, псковитян, своя голова на плечах. Мы и без новгородцев разберемся, кто нам друг, а кто – враг. Иль я не прав?

Твердило вновь оглядел всех своих гостей, явно ожидая от них слов поддержки.

На вечернее застолье к боярину Твердиле пожаловали: его давние приятели бояре Ипат Трава и Ерофей Сова, дальний родственник Твердилы Гаврило Окорок, шурин Дементий Лыко, а также ганзейский купец Норберт.

По правую руку от Твердилы сидел Терентий, который был не просто его гостем, но уже почти родственником. Крестница Твердилы, Мстислава, во всеуслышание была объявлена невестой Терентия.

– Слова твои верные, Твердило, – первым подал голос Ерофей Сова. – Новгородцы нахпали себе земель от реки Ловати до Полуночного моря. Тридцать лесных племен им дань платят мехами да моржовым зубом. Из-за городка Устюга, что на Сухоне-реке, новгородцы долго грызлись с суздальскими князьями, не желая поступиться даже малой своей выгодой. Почто же мы должны пренебрегать своей выгодой в угоду Новгороду. Пскову выгоднее мир с Ливонским орденом, нежели война.

– Даны оттяпали малую толику новгородских владений близ Чудского озера, где сплошь редколесье да болота, но и за эти болота новгородцы три года кряду бились с данами, покуда не вернули назад этот никчемный клочок земли. – Гаврило Окорок оглядел своих сотрапезников с неким подобием мрачной усмешки на устах. – О чем это говорит, братья? О том, что ни на какие уступки данам и ливонским рыцарям новгородцы не пойдут. В Новгороде никак не возьмут в толк, что после Батыева нашествия половина Руси обращена в пепелище и обезлюдела. Коль начнется война с Ливонским орденом, подмоги Новгороду ждать неоткуда. Ну, разве что псковичей повлекут под свои знамена новгородцы, как бывало встарь. А зачем Пскову эта вражда с ливонцами?

– Не нужна нам эта вражда! Правильно молвишь, Гаврило, – вставил боярин Ипат. – Наши земли, как остров между владениями Новгорода и Ордена. Новгородцам в случае неудачной войны с ливонцами есть куда отступать, нам же деваться некуда. За помощь Новгороду ливонцы замучают нас набегами.

– Не забывайте про главное бедствие нынешних времен, про татар, други мои, – опять заговорил Твердило. – Коль надумают ханы татарские ударить по Новгороду, то конница ихняя и до Пскова докатится. При таком раскладе, бояре, выстоять против татар поможет Пскову токмо Ливонский орден. На новгородцев при такой напасти уповать не приходится, им самим против нехристей стоять насмерть придется. Полки у новгородцев сильные, однако орда татарская, по слухам, полмира прошла с битвами да сечами. До сей поры ни одно войско в Азии и на Кавказе не смогло одолеть татар. Не совладали с татарами и наши князья. Был я в прошлом году в Рязани, от города одни развалины обгорелые остались, кто там уцелел, до сих пор мертвецов сотнями погребают. Все князья рязанские полегли под саблями татарскими. Владимир впусте стоит, от Москвы и Коломны одни головешки остались. Когда еще возродится Суздальское княжество, одному богу ведомо.

Затем Твердило повел речь о том, ради чего, собственно, он и собрал своих единомышленников у себя дома в этот вечер.

– Черные людишки и сторонники посадника Лиховола из знати не пойдут на союз с Ливонским орденом, – молвил Твердило. – Убедить народ на вече в выгоде подобного союза мы так и не смогли. Что ж, не битьем, так катаньем, но цели своей мы все равно добьемся, други мои. У меня есть верные людишки в Изборске, ежели им отсыпать серебра, то они откроют ворота ливонским рыцарям. Лиховол и его сторонники конечно же двинутся с войском, чтобы выбить немцев из Изборска. Вот тут-то мы и захватим власть во Пскове!

Твердило с улыбкой пригладил свои темные усы и небольшую бородку, довольный своим замыслом.

– Хватит ли у нас сил для этого? – с сомнением в голосе заметил Дементий Лыко. – Псков велик, его не захватишь с горсткой гридней и челядинцев.

– Нам одним Псковом, конечно, не овладеть, – сказал Твердило, – поэтому я задумал тайно призвать князя Ярослава Владимировича с дружиной. Он после всех своих мытарств теперь обретается в Дорпате, находясь под покровительством тамошнего епископа.

Упоминание хозяином застолья о Ярославе Владимировиче вызвало среди его гостей неоднозначную реакцию. Кто-то одобрил эту задумку Твердилы, а кому-то она пришлась совсем не по душе.

Ярослав Владимирович был сыном псковского князя Владимира Мстиславича, доводившегося родным братом знаменитому воителю Мстиславу Удатному. Благодаря славе старшего брата, который какое-то время княжил в Новгороде, Владимир Мстиславич надолго осел во Пскове. Когда Мстислав Удатный перебрался в Южную Русь, утвердившись в Галиче, у Владимира Мстиславича начались склоки с псковскими боярами, которые то изгоняли его из Пскова, то принимали обратно. Дело было в том, что Владимир Мстиславич был человеком скаредным, злопамятным и неживчивым.

В пору одного из таких раздоров с псковским вечем Владимир Мстиславич со своей семьей и свитой нашел прибежище в Риге, у ливонских рыцарей. Целых три года провел Владимир Мстиславич на чужбине, где он выучил немецкий язык, обрел влиятельных друзей и даже выдал свою старшую дочь Софью замуж за немецкого барона Дитриха фон Буксгевдена. При этом Софье пришлось перейти из православия в латинскую веру и взять новое имя – Августа.

Замирившись с псковичами, Владимир Мстиславич вернулся в Псков, оставив в Риге свою замужнюю дочь и тринадцатилетнего сына Ярослава на ее попечении. Ярослав прибыл в Псков уже восемнадцатилетним юношей, повинувшись воле отца, который желал сделать его своим преемником на здешнем княжеском столе. В то время ливонские и датские рыцари осуществляли сильный натиск на славянские земли близ Чудского озера. Немецкие крестоносцы после упорной осады взяли город Юрьев, основанный на земле эстов еще Ярославом Мудрым. Этот город немцы превратили в сильную крепость, переименовав его в Дорпат. Эсты именовали Дорпат его изначальным названием – Тарту.

Суздальские князья и новгородцы не единожды пытались выбить немцев из Юрьева и другой крепости Оденпе, которую местная чудь называла Медвежьей Головой. В этих походах принимали участие и псковичи, но далеко не все, поскольку на них оказывал влияние Владимир Мстиславич, не желавший враждовать со своими ливонскими друзьями. Ливонцы со своей стороны грабили пограничные новгородские земли, однако на владения Пскова не покушались. Зато воинственные литовцы часто совершали набеги в пределы Ливонского ордена и на земли русских княжеств, доходя порой до Торопца и Торжка. Отражая один из таких литовских набегов вкупе с суздальскими князьями, Владимир Мстиславич был тяжело ранен в битве под Усвятом, где от русских мечей полегло две тысячи литовцев и четверо их князей. От этой раны Владимир Мстиславич так и не оправился, схоронили его во Пскове.

На княжеский трон псковичи посадили Ярослава Владимировича, который к тому времени уже обжился во Пскове и взял в жены местную боярышню. В отличие от отца, Ярослав Владимирович был спесив, но не воинственен. Верховодить войском он не умел, оружием владел плохо, в опасности часто терялся, больше полагаясь на своих воевод, нежели на самого себя. Псковичи разочаровались в Ярославе и указали ему путь от себя. Ярослав пытался осесть в Новгороде, но туда его не пустили суздальские князья, которые не желали выпускать новгородцев из своей власти. Ярослав мыкался по чужим княжеским уделам, пока не выпросил себе захудалый городишко Ржеву, отнятый суздальцами у новгородцев и уступленный ими торопецкому князю. Но и во Ржеве Ярослав долго не усидел, так как стал покушаться на Вязьму, а это привело его к раздору со смоленским князем.

Гонимого отовсюду Ярослава псковичи опять пригласили к себе на княжение, полагая, что за время скитаний он растерял свое чванство и излишнюю гордыню. Всего три месяца пробыл Ярослав во Пскове, вновь изгнали его местные бояре, недовольные тем, что князь пытался ограничивать власть боярской думы и желал присвоить себе право сбора налогов с ремесленных братчин. Ярослав уехал в Дорпат к тамошнему епископу Герману фон Буксгевдену, доводившемуся ему родственником. Племянник епископа Дитрих фон Буксгевден был женат на сестре Ярослава.

По окончании застолья, когда гости разошлись по домам, Твердило и Терентий перешли в другой теремной покой, где завели разговор о свадебном торжестве, которое должно было состояться через два дня. Терентий высказал свою озабоченность, мол, стоит ли затевать свадьбу, если в эти же дни Пскову грозят немалые потрясения.

– Может, мне и моей невесте на какое-то время перебраться в Новгород, покуда во Пскове не утихнет замятня, – сказал Терентий, снимая с себя длинную свиту из голубой парчи. От обильной еды и возлияний его прошиб пот. – Похоже, многие из псковитян встретят Ярослава Владимировича с копьями и топорами.

– Э, нет, приятель! Эдак дело не пойдет! – с усмешкой возразил Твердило, поджигая от огонька медного светильника три толстые восковые свечи. – Ты мне здесь нужен. У меня и так сторонников маловато, а дело я замышляю большое!

– Велика ли дружина у Ярослава Владимировича? – поинтересовался Терентий, опустившись на скамью.

– Скорее всего, невелика, – ответил Твердило, усаживаясь к столу, на котором горели свечи, заливая желтым светом бревенчатые стены, небольшое слюдяное окно и низкие массивные потолочные балки. – Но за спиной у Ярослава Владимировича стоят ливонцы, а это, брат, сила!

Ярослав несколько лет тому назад, поняв, что псковичи уже не примут его к себе по доброй воле, отослал в Псков свою русскую жену и женился на немке, на дочери какого-то барона. Так что Ярослав для ливонцев далеко не чужой человек, за него они горой встанут!

– Ты обмолвился как-то, друже, что хочешь доверить мне некое особо важное поручение, – осторожно напомнил Твердиле Терентий. – Хотелось бы узнать, что это за поручение?

– Изволь, поведаю, – промолвил Твердило, закинув ногу на ногу. – Ярослав трусоват и недоверчив. Наверняка он потребует заложников как гарантию, что мы его не предадим. Заложниками могут быть токмо родственники мои и моих друзей. Сына своего я отдать в залог не могу, так как он мне тут вскоре понадобится. Жена моя беременная ходит, ее тоже в таком положении негоже в чужие руки отдавать. Поэтому я отправлю заложниками к ливонцам тебя, друг мой, и крестницу свою Мстиславу. Как-никак, вы оба мне тоже родня.

Терентий устался на Твердилу, онемев от изумления. Слова протеста были готовы сорваться с его уст, но не сорвались, поскольку Твердило завел речь об отце Мстиславы, боярине Станиле Кузьмиче.

– Станило Кузьмич был мне, как брат, – молвил Твердило. – С юных лет мы были с ним вместе в радости и горе, во всем друг друга поддерживали. Станило стал крестным отцом моего сына, я стал крестником его дочери. Станило сложил голову в битве с погаными литовцами при Сауле четыре года тому назад. В том сражении наша псковская дружина выступила на стороне ливонских рыцарей. От набегов литовцев немцы в Ливонии страдают еще больше, чем мы.

Поскольку свою мать Мстислава потеряла еще раньше, я и забрал ее в свой дом. Заботился о ней как о родной дочери. Надеюсь, друг Терентий, ты станешь Мстиславе хорошим супругом! – Твердило похлопал купца по плечу. – Пойду лягу, а то глаза слипаются. И ты спать ложись, друже. Время уже позднее.

Беспокойство, овладевшее Терентием, отгоняло от него сон. Уже сидя на постели в исподних портах и рубахе, он теребил свою куцую бороденку, мысленно прикидывая, не угодил ли он как кур во щи. Ехать на чужбину в качестве заложника и неведомо на какой срок Терентию не хотелось. Однако и на попятную идти Терентий тоже никак не мог. Причиной тому была пламенная страсть к Мстиславе, крестнице Твердилы. Терентий потерял покой, едва увидел девушку в тереме у Твердилы.

Мстиславе лишь недавно исполнилось семнадцать лет. Это была девица, во внешности которой имелись, как на подбор, все дивные оттенки женственной прелести, присущие именно славянкам. Мстислава была довольно высока ростом. У нее были мягкие покатые плечи, полные руки, тонкая гибкая талия, широкие бедра, пышная грудь. Лицо у Мстиславы имело форму чуть вытянутого овала, все черты этого лица имели совершенный росчерк, невольно притягивающий взгляд. Ее большие красивые темно-синие очи всегда были скромно опущены, сочные уста ее были неотразимо прелестны, улыбка Мстиславы могла обезоружить кого угодно. Брови Мстиславы имели плавный изгиб, они были того же темно-русого цвета, что и ее длинные вьющиеся волосы, неизменно заплетенные в толстую косу.

С Твердилой Терентий свел знакомство во Пскове, куда он наведывался по торговым делам. Твердило выступал посредником в нескольких удачных для Терентия сделках с немецкими и датскими купцами. «Обмывая» хмельным питьем одну из этих сделок в доме у Твердилы, Терентий и познакомился здесь с Мстиславой. Он стал просить Твердилу отдать ему Мстиславу в жены. Твердило согласился, но выставил условие, что Терентий станет его единомышленником в одном важном деле.

Терентий немедленно дал обещание быть во всем с Твердилой заодно, не вдаваясь в суть замыслов Твердилы. Терентий полагал, что Твердило имел в виду опять же какие-то торговые сделки с иноземными купцами. На деле оказалось, что Твердило возжелал стать псковским посадником и впустить в Псков ливонских рыцарей, ни много ни мало. По замыслу Твердилы и его сторонников, Псков должен был отвернуться от Новгорода и заключить вечный военный союз с Ливонским орденом.

«Высоко захотел взлететь Твердило! Ох, высоко, коль Псков решил к рукам прибрать! – размышлял Терентий. – А того не думает Твердило, что, с такой высоты падая, насмерть расшибиться можно. Ежели полетит вниз Твердило, то и меня за собой увлечет. Следовать ли мне и дальше за Твердилой иль отступиться от Мстиславы?»

В терзаниях и размышлениях Терентий провел почти всю ночь, заснул он лишь под утро.

За завтраком Твердило сразу обратил внимание на хмурый вид Терентия. Мигом смекнув, в чем дело, Твердило жестом позвал к себе челядинку, прислуживающую им за столом, и что-то шепнул той на ухо. Челядинка в тот же миг куда-то убежала из трапезной.

– Сколько юношей, видных да ладных, сватались к Мстиславе за последний год, не перечсть! – разглагольствовал Твердило, угощаясь соленой рыбой и краем глаза поглядывая на Терентия. – Чем токмо не соблазняли меня сваты и свахи, прося выдать Мстиславу за того иль иного боярича. А я вот, выбрал в женихи своей крестнице тебя, друг Терентий. Ибо вижу, что

купец ты богатый и не глуп. Пусть не молод уже, зато опыт жизненный имеешь. Пусть женат покуда, но и эта беда поправимая.

Терентий перестал жевать и взглянул на Твердило, не понимая, куда тот клонит.

– Не хочу, друг Терентий, чтоб между нами недомолвки были, – продолжил Твердило. – Видишь, я к тебе с открытым сердцем! Погляди, какую паву в жены тебе отдаю!

Твердило громко хлопнул в ладоши.

Скрипнула тяжелая дверь с бронзовым кольцом вместо ручки.

Сопровождаемая двумя челядинками, в покой вступила Мстислава в длинном сиреновом летнике до пят, расшитом золотыми нитками, в дорогом очелье со свисающими у висков серебряными подвесками в виде звезд. Толстая коса, увитая жемчугом, лежала у нее на плече, свисая на высокую грудь, которой было явно тесно под платьем.

Мстислава замерла посреди комнаты, опустив очи долу. На ее бледных щеках вспыхнул легкий румянец, лишь добавив девушке свежести и очарования.

– Милая, поднеси-ка своему жениху чашу с вином, – сказал Твердило мягким и в то же время требовательным голосом.

Одна из челядинок подала Мстиславе серебряный поднос, другая налила в чашу вина и поставила ее на чеканную узорную поверхность подноса.

Терентий встал из-за стола.

Мстислава приблизилась к нему и с поклоном протянула чашу на подносе. Терентий взял чашу и залпом осушил ее.

– Теперь поцелуйтесь! – проговорил Твердило. – Смелее! Вы же – нареченные жених и невеста!

Мстислава подняла на Терентия свои дивные синие очи, которые вблизи показались тому еще больше и прекраснее. Девушка покорно подставила Терентию свои розовые уста, чуть раскрытые и несмелые. Хмель ударил купцу в голову. Он жадно обнял Мстиславу за талию и впился губами в ее нежный полуоткрытый рот. Одновременно Терентий ощутил сквозь ткань одежды, как два упругих девичьих полушария уперлись ему в грудь, пробудив в нем учащенное сердцебиение.

Мстислава была так прекрасна и соблазнительна, что у Терентия голова пошла кругом от нахлынувших на него чувств и желаний.

Мстислава уже удалилась из трапезной, а Терентий еще какое-то время сидел за столом сам не свой, опьяненный то ли красотой своей невесты, то ли ее поцелуем.

– Тебе, новгородцу, конечно не хочется влезать в наши псковские дрязги, – между тем молвил Твердило, подсев поближе к Терентию. – Тебе хочется после женитьбы ехать с юной женой в Новгород, а не куда-то в Ливонию, как заложнику. Я тебя отлично понимаю, друже. Однако и ты пойми меня. В народе говорят: нет худа без добра. Это я к тому, что у нас с тобой был изначальный уговор: я отдаю тебе в жены Мстиславу, а ты за это послужишь мне. Поэтому не обессудь, друг Терентий, после свадьбы придется тебе погостевать какое-то время в Ливонии.

– Могу я Мстиславу взять с собой? – спросил Терентий.

– Не токмо можешь, но и должен взять, – ответил Твердило, – ибо она тоже станет заложницей как моя родственница.

Глава четвертая СЛУХИ ИЗ ПСКОВА

В начале сентября Михай Соколятник прислал в дом Ивана Мелентьевича своего холопа, приглашая того к себе в гости. Иван Мелентьевич, помня последнюю встречу с Михеем, отправился к нему, одолеваемый мрачными предчувствиями. Он был уверен, что разговор опять пойдет о Василисе.

– Вот что, родственничек, передай своей сестрице, что ей нужно подыскать новое жилье, – объявил Михай Ивану Мелентьевичу. – Терентий женился во Пскове на молодой боярышне, а Василису он отпускает на все четыре стороны. Дочку Василиса может забрать с собой. Из приданого Василисы две трети ей причитаются, как в брачном договоре указано на случай развода. Терентий прислал грамотку из Пскова, в которой он уполномочил меня утрясти все дела, связанные с разводом и разделом имущества. Поэтому, Иван, как закончится сбор урожая, пожалуй я в терем Терентия, чтобы перетряхнуть содержимое всех сундуков. Скажи об этом Василисе.

– Когда сам-то Терентий пожалует? – угрюмо спросил Иван Мелентьевич.

– Об этом в грамотке ничего не сказано, – ответил Михай, – но, полагаю, Терентий скоро приедет в Новгород вместе с молодой женой. Слышал наверно, ливонцы Изборск взяли. Псковичи рать исполчают против ливонских рыцарей.

– Нет, не слышал, – насторожился Иван Мелентьевич. – Из-за чего случился сей раздор у псковичей с немцами?

– О том не знаю и не хочу знать! – пожал широкими плечами Михай. – У нас в Новгороде и своих забот хватает.

Не теряя времени даром, Иван Мелентьевич отправился домой к Василисе. Он нашел сестру в самом благостном настроении. Сидя у окна, Василиса вышивала красными нитками узор на белой рубахе, что-то напевая себе под нос.

– Все песенки поешь, глупая! – проворчал Иван Мелентьевич, отхлебнув мятного квасу из липового ковша, стоящего на столе. – Да плотнику своему рубахи расшиваешь! А между тем Терентий из Пскова весточку прислал. Через месяц тебе велено убираться из этого терема куда угодно!

– Я могу съехать отсюда хоть завтра, – не прекращая работу, промолвила Василиса. Она была совершенно спокойна.

Это ее спокойствие разозлило Ивана Мелентьевича.

– И куда ты пойдешь отсюда? – напустился он на сестру. – Углы снимать по соседям иль на постоялый двор?

– В отцовский дом пойду, куда же еще, – ответила Василиса, не глядя на брата.

– Хочу тебе напомнить, сестра, что в отцовском доме теперь я со своей семьей живу, – с неким вызовом проговорил Иван Мелентьевич. – Не думаю, что моей супруге понравится, коль ты потеснишь ее. Имей это в виду!

Василиса подняла глаза на брата, словно хотела удостовериться, не шутит ли он. Затем каменным голосом обронила:

– Не беспокойся, братец. У тебя просить крова я не стану. Бедослав и сам может дом построить.

Иван Мелентьевич подскочил к Василисе и вырвал рубаху из ее рук.

– Что ты прицепилась к этому голодранцу! – тряся рубахой перед носом у оторопевшей Василисы, сердито молвил Иван Мелентьевич. – Сдурела ты, что ли, сестра?! Иль гордости у тебя совсем нету! О дочери подумай, глупая, каково ей будет после нынешней роскоши в бедности пресмыкаться!

Василиса резко встала и отняла рубаху у брата.

– Это не твоего ума дело! – отчеканила она, с неприязнью глядя на Ивана Мелентьевича. – Я не лезу в твои отношения с Лукерьей и ты в мою жизнь не суйся! Без твоих советов и подачек обойдусь!

– Последний раз тебя предостерегаю, Василиса, – сказал Иван Мелентьевич. – Одумайся! Один имовитый человек посвататься к тебе хочет, он готов взять тебя в супруги и без приданого. Сойдись с ним и тем самым утрешь нос своему Терентию.

– Еще раз тебе отвечаю, братец, никто мне не нужен, кроме Бедослава, – промолвила Василиса, вновь садясь на стул и склоняясь над рубахой с иголкой и ниткой в руке.

Рассерженный Иван Мелентьевич ушел, хлопнув дверью.

В тот же день на новгородском торжище Ивану Мелентьевичу повстречался Яков Катырь в высокой малиновой шапке, с неизменным посохом в руке, навершие которого было украшено резьбой и фигуркой дрозда.

Яков, как обычно, после приветствия сразу заговорил с Иваном Мелентьевичем о Василисе.

– Говорят, Терентий-то уже оженился во Пскове, пора бы Василисе о новом замужестве подумать, – молвил Яков, щуря глаза на ярком солнце. – Иван, поговорил ли ты с Василисой обо мне? Согласна ли она пойти за меня?

– Порадовать мне тебя нечем, Яков, – проговорил Иван Мелентьевич, прислонясь плечом к столбу, подпиравшему дощатый навес над его скобяной лавкой. – Сестра моя с глузду двинулась! С плотником Бедославом спуталась, паскудница! Каждый день стегна перед ним раздвигает, а тот и рад-радешенек. Еще бы, такая лебедушка перед ним стелется!

– С Бедославом, говоришь? Кто такой? – напряжился Яков. – Из новгородцев он или пришлый откуда-то?

– С Торжка Бедослав этот, погорелец, – ответил Иван Мелентьевич. – Как спалили татары Торжок в позапрошлую зиму, так все тамошние жители, кто уцелел, в Новгород подались.

– У Бедослава родня, что ли, в Новгороде? – допытывался Яков.

– Нет у него здесь никого, вся его родня в Торжке погибла, – сказал Иван Мелентьевич. – Этот Бедослав – ушлый молодец! Он мигом раскумекал, что от Василисы ему немалая выгода светит. Вот он и опутал сестру мою лестью да лаской, в постель к ней ужом пролез, к дочке ее сумел подлизаться. А тут еще Терентий решил Василисе развод дать, это и вовсе Бедославу на руку!

– Вижу, не по душе тебе этот Бедослав, друже, – проговорил Яков, придвинувшись к Ивану Мелентьевичу почти вплотную. – А ежели я избавлю тебя от этого пронырливого плотника, выдашь тогда Василису за меня, а?

Иван Мелентьевич помолчал, глядя то на говорливую толпу, заполнившую широкие проходы между торговыми лабазами, то на подернутые перистыми облаками небеса, то на купол Борисоглебского храма, стройные белокаменные пропорции которого были заметны издалека на фоне низких деревянных строений, окружавших торжище.

– Ежели Бедослав сгинет из Новгорода навсегда, тогда Василиса станет твоей женой, Яков, – наконец, негромко промолвил Иван Мелентьевич, посмотрев в упор тому в глаза. – Сделай так, чтобы все было шито-крыто! Василиса какое-то время погорюет, а потом забудет этого плотника. Я со своей стороны сделаю все, чтобы Василиса к тебе серьезный интерес проявила.

– Тогда по рукам, Иван Мелентьевич!

– По рукам, Яков Лукич!

Два купца пожали друг другу руки и расстались.

* * *

Василиса очень удивилась, увидев на пороге своего дома Степана Колтыгу. С ним ее познакомил Бедослав еще два месяца тому назад. Василиса знала, что Бедослав живет в доме у Степана, что они с ним закадычные друзья.

– Где Бедослав? Он обещал зайти ко мне сегодня, – промолвила Василиса, делая несколько шагов навстречу гостю. – Ты от него, Степан? Что случилось? Говори же!

Степан стащил с головы шапку-мурмолку и бессильно опустил на стул.

– Несчастье приключилось с Бедославом, – сокрушенно качая взлохмаченной головой, сказал Степан, – напали на него лихие люди вчера вечером. Бедослав подрядился бревна тесать на подворье Ефимьевского монастыря, что на Конюховой улице. Работы там много, поэтому Бедослав каждый день допоздна задерживался. Вот и вчера он тоже припозднился. На углу Конюховой и Пробойной улиц Бедослава подстерегли трое злодеев...

– Что с Бедославом? Он жив или нет? – срывающимся голосом воскликнула Василиса.

– Слава богу, жив Бедослав! – ответил Степан. – Поранили его злыдни немного, только и всего. Он же одного злодея наповал уложил ножом засапожным, другому глаз выбил, а третьему руку сломал.

Василиса облегченно перевела дух, осенив себя крестным знамением.

– Беда не в том, что на Бедослава злодеи ночью напали, а в том, что убил он, оказывается, двоюродного брата одного здешнего торговца, – с печальным вздохом добавил Степан. – Зовут этого купчика Яков Катырь. Ради наживы он на любое злодейство горазд! А брат его двоюродный и вовсе всю жизнь на ушкуях разбоем промышлял. Теперь Бедославу схорониться нужно понадежнее от дружков-головорезов убитого Кривуши.

– Это имя такое? – спросила Василиса.

– Нет, прозвище, – пояснил Степан. – Он же был одноглазый, злодей этот, убитый Бедославом. Потому и звали его Кривуша.

– Где сейчас Бедослав? – Василиса требовательно взглянула в глаза Степану. – Я должна знать, где он.

– По моему совету Бедослав уехал из Новгорода, – помедлив, ответил Степан. – К надежному человеку я его отправил, в село одно лесное. Думаю, в той стороне Бедослава никто искать не станет.

Перед уходом Степан предупредил Василису, чтобы она держала язык за зубами и не проговорилась в случайной беседе с кем бы то ни было о том, куда подался из Новгорода Бедослав.

Тяжкое предчувствие, что нападение на Бедослава было заранее кем-то подготовлено, не оставляло Василису. Ее подозрительное око приглядывалось ко всякому собеседнику или собеседнице, если в разговоре речь вдруг заходила о Бедославе. На расспросы Лукерьи Василиса сразу, не моргнув глазом ответила, мол, рассталась она с Бедославом навсегда.

«Потешились и будет, мне ведь достойного мужа искать надо, – сказала Василиса. – Бедняк мне ни к чему!»

Соседу Свирыте Резнику Василиса поведала, будто нашел Бедослав молодницу пригожую где-то в Неревском конце Новгорода и переселился к ней.

Однажды в гости к Василисе пожаловал Михей Соколятник. Вид у него был озабоченный.

– Разбили немцы под Изборском псковскую рать, – молвил Михей, сидя за столом и прихлебывая из кружки яблочную сыту. – Теперь ливонцы Псков в осаде держат. Выход из города закрыт. Думаю, из-за этой напасти Терентий еще не скоро в Новгороде объявится. Посему,

Василиса Мелентьевна, с разделом имущества мы пока повременим. Ты и дочь твоя можете жить в тереме моего брата хоть до зимы.

Василиса встала из-за стола и отвесила поклон Михею Соколятнику, зная, как тот обожает, когда перед ним раболепствуют.

– Я слышал, плотник, с которым ты путалась последнее время, набедокурил и сбежал незнамо куда! – Михей взглянул на молодую женщину из-под густых низких бровей. Он явно желал услышать пояснения по этому поводу из ее уст. – Не причинил ли этот проныра тебе вреда, Василиса? Не обокрал ли он тебя?

– Слава богу, не обокрал, – с натянутой улыбкой ответила Василиса. – Мы с Бедославом в последнее время не ладили, поэтому он редко ко мне заживал.

– Из-за чего же начались у тебя нелады с Бедославом, красавица? – продолжал допытываться Михей, сверля Василису подозрительным взглядом.

– Перестала я ему деньги давать, вот Бедослав и осерчал на меня, – криво усмехнулась Василиса.

Михей понимающе закивал своей лобастой головой.

Вдруг вдалеке над городом раздались гулкие и протяжные удары в вечевой колокол. Эти звуки с детских лет были хорошо известны всякому новгородцу.

– Никак вечевой сход сегодня намечается, Михей Власич, – проговорила Василиса, вытянув шею и прислушиваясь. – Неспроста это.

– Конечно, неспроста, – хмыкнул гость, поглаживая свою широкую бороду. – Князь Александр хочет склонить новгородцев к походу против ливонцев, осадивших Псков. Токмо вряд ли у него это получится, ибо посадник и боярская дума не хотят влезать в псковские дрязги. Псковичи в последнее время что-то шибко вознеслись, на Новгород не оглядываются, с данами и свеями дружбу водят, с ливонцами хлебосольничают. Пушай теперь сами расхлебывают кашу, которую заварили!

Было видно, что Михею Соколятнику хочется подольше погостить у Василисы, но вечевой колокол, ухая вдалеке, властно звал его на народное собрание. Михей поспешно засобирался, подхватив со скамьи свой небрежно брошенный опашень из персидской тафты и scarлатную шапку.

Глава пятая

ЯРОСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ

Прожив долгое время среди ливонцев, Ярослав Владимирович перенял у них многие привычки и обычаи. К примеру, русским одеждам он предпочитал немецкое платье, считая его более удобным. В отличие от русичей, Ярослав не носил усы и бороду, также подражая в этом ливонским рыцарям и священникам.

Во время осады немцами Пскова Ярослав Владимирович находился в Изборске, где стоял ливонский гарнизон. Вместе с ним там же пребывали Терентий с супругой Мстиславой.

Для Терентия наступила безрадостная пора. Его женитьба на прекрасной юной девушке повлекла за собой череду неприятных сюрпризов. Во-первых, во время брачной ночи Терентий обнаружил, что его невеста отнюдь не девственница. Терентий не стал придирается к Мстиславе по этому поводу, полагая, что и у него в прошлом не все чисто. К тому же он женился на Мстиславе, по сути дела, так и не разведясь с Василисой.

Затем выяснилось, что Мстислава падка на вино, к которому она пристрастилась, живя в тереме у своего крестника, который закрывал глаза на некоторые ее вольности.

Прибыв в Дорпат в качестве заложника, Терентий очень скоро обнаружил, что Ярослав Владимирович совсем не против приударить за Мстиславой. Князь принялся оказывать Мстиславе знаки своего внимания с первого дня знакомства с нею. Отправляясь с дружиной в Изборск, Ярослав взял с собой и Терентия с супругой. Хотя всем в окружении Ярослава было понятно, что князь льнет к красавице Мстиславе, Терентий же для него скорее помеха. Ярослав прилюдно объявил Терентия своим старшим дружинником и оказывал ему честь трапезничать с ним за одним столом. Однако во время застолий ближе к Ярославу сидела все же Мстислава, а не Терентий.

Больше всего Терентия уязвляло то, что Мстиславе нравилось повышенное внимание к ней Ярослава Владимировича, да и сам князь был ей более по душе, нежели супруг.

Тягаться с князем Ярославом ни знатностью, ни статью Терентий не мог. Ему приходилось терпеть насмешки у себя за спиной прочих Ярославовых дружинников и делать вид, что ничего предосудительного не происходит, даже если Мстислава днем или ночью позволяет себе уединиться с князем в его покоях.

Князь Ярослав был высок ростом, строен и сухощав. У него был прямой благородный нос, голубые глаза и тонкие губы, которые он имел привычку покусывать при сильном волнении. В свои тридцать лет Ярослав был капризен, как ребенок. Самой заветной его мечтой было вернуться победителем в Псков и занять отцовский княжеский трон. Вот почему Ярослав без раздумий согласился участвовать в походе ливонских рыцарей на псковские земли после беседы с посланцами Твердилы, которые обещали ему привести Псков под его руку. Но даже вступив в Псков вместе с ливонскими отрядами, Ярослав трепетал при одной мысли о том, что будет, если Александр Невский приведет новгородские полки к стенам Пскова. Воинственность Александра была общеизвестна, а его недавняя победа над войском свеев добавляла ему еще и ореол удачливости. Александр разбил свеев на реке Неве, имея втрое меньше воинов, чем было у ярла Биргера.

Ярослав Владимирович обрел спокойствие и уверенность лишь после того, как из Новгорода прибыл верный слуга Твердилы Углеша с известием о размолвке Александра с новгородскими боярами, вынудившими князя уехать в свою родовую вотчину Переславль-Залесский.

В сражении под Изборском псковичи потеряли убитыми и пленными шестьсот человек, это были ярые противники сближения Пскова с Ливонским орденом. Пал в этом сражении и псковский посадник Лиховол, главный недоброжелатель Твердилы Иваньковича. Благодаря

стараниям Твердилы и его единомышленников псковские бояре открыли ворота ливонцам, страшась того, что если немцы войдут в Псков силой, то устроят в городе погром.

Опираясь на ливонцев и дружину Ярослава Владимировича, Твердило объявил себя псковским посадником, а тысяцким назначил своего шурина Дементия Лыко.

В Кроме, псковском детинце, расположился отряд ливонцев в шестьдесят человек во главе с двумя рыцарями, Клаусом Воверайтом и Альбертом Венком. Здесь же, в каменном тереме близ Троицкого собора, поселился Ярослав Владимирович со своей челядью и грид-нями. Всего в окружении князя Ярослава находилось около сотни слуг и воинов.

Твердило и его близкие друзья тоже вооружили пешую дружину в полторы сотни человек, чтобы охранять главные городские ворота и внешнюю бревенчатую стену, протянувшуюся почти на полторы версты от реки Великой до ее притока речки Псковы. Обнесенный каменными стенами и башнями Кром должны были стеречь дружинники князя Ярослава и немецкие кнехты.

Ливонское войско ушло к своим пределам, спустя четыре дня после взятия Пскова.

Немцы и посадник Твердило, желая расположить к себе псковичей, снизили налоги, отпустили пленных по домам, а также позволили для разрешения различных ссор и торговых склок обращаться не к мытным старостам на торгу, но напрямик к посаднику и к Ярославу Владимировичу.

Глава шестая КОПОРЬЕ

Приятеля Степана Колтыги, к которому уехал из Новгорода Бедослав, звали Пятункой Евсеичем. Он был пятым ребенком в семье, за что и получил имя Пятунка. Жил Пятунка Евсеич в селе Глядены на берегу реки Оредеж. Отсюда до Новгорода было примерно полсотни верст, к северу от села Глядены верстах в тридцати протекала река Нева, впадающая в холодное Варяжское море.

В этих краях испокон веку проживала чудь, небольшой лесной народец, соседствуя с другими лесными племенами, эстами, карелами и ижорой. Новгородцы, давным-давно захватившие земли вокруг Ладожского озера и близ устья Невы до самого морского побережья, насаждали среди лесных племен православие, вели с ними меновую торговлю и облагали данью.

С некоторых пор на земли карелов со стороны Ботнического залива стали проникать свеи, покорившие финские племена сумь и емь. А на приморских землях эстов обосновались датчане, основавшие там город Ревель. Русичи называли этот датский город-порт Кольванью. Датчане всеми способами пытались расширить свои владения в Эстляндии за счет новгородских земель, лежащих между Чудским озером и берегом моря. Ради этого датчане пошли на военный союз с Ливонским орденом, поскольку собственных сил для противостояния с Новгородом им явно не хватало.

Село Глядены лежало на холме над рекой, отсюда с высоты были далеко видны все окрестные луга и перелески. Когда-то новгородцы держали тут сторожевой отряд в небольшом укрепленном остроге, еще в пору завоевания здешних чудских земель. С той поры возникшее на этом месте село получило название Глядены, от слова «глядеть».

Пятунка Евсеич жил со своей семьей не в самом селе, а неподалеку, на займище. Так назывались общинные угодья, выкупленные у общины кем-то из смердов или взятые в аренду любым пришлым человеком. Пятунка был родом из Новгорода, из купеческой семьи. На селе он осел, поскольку занимался разведением лошадей для войска и тягловых работ. Поначалу вместе с Пятункой занимался этим делом и Степан Колтыга. Со временем Степан вернулся в Новгород, женился там и занялся извозом, но связей с Пятункой он не порывал, то и дело покупая у него лошадей и выискивая других покупателей из бояр и купцов. Лошади, как и лады, ценились в Новгороде очень высоко.

Хотя Пятунка Евсеич бывал в Новгороде нечасто, тем не менее и он слышал про лихого ушкуйника Кривушу.

– Отважный ты молодец, коль самого Кривушу в схватке прикончил! – восхитился Пятунка Евсеич, прочитав берестяную грамотку, в которой Степан Колтыга просил его приютить на какое-то время Бедослава в своем доме. Эту грамотку Бедослав сам и вручил Пятунке, добравшись до его подворья.

Пятунка Евсеич определил Бедослава в пастухи, дабы тот не чувствовал себя нахлебником в чужом доме. Кроме этого в хозяйстве Пятунки было немало и плотницкой работы, так как конюшни, амбары, клетки и загоны для лошадей были срублены из дерева.

Семья у Пятунки Евсеича была большая, жена нарожала ему семерых детей. Двое старших сыновей были главными помощниками Пятунки в уходе за лошадьми.

На подворье у Пятунки жил еще кузнец Онисим, бывший холоп. Пятунка выкупил Онисима из неволи и взял к себе, понимая, что в его лошадном хозяйстве без кузнеца никак не обойтись.

Бедослав с самого начала пришелся по нраву Пятунке Евсеичу и всем его домочадцам, даже молчун Онисим и тот становился разговорчивее в присутствии Бедослава.

– Хочу предостеречь тебя, друже, – обмолвился как-то наедине с Бедославом Пятунка Евсеич. – Сподвижники у покойного Кривуши даже отчаянные и злопамятные. Эти злыдни все села и погосты обшарят вокруг Новгорода, в каждую щель нос сунут, но рано или поздно они до тебя доберутся, молодец. Я тебя не гоню, ибо зима уже на носу, но по весне тебе лучше убраться отсюда куда-нибудь подальше.

– Не могу я уйти далеко от Новгорода, любимая женщина там у меня осталась, – сказал на это Бедослав. – Знаю, ждет она меня. Без нее мне и белый свет не мил!

– Так в чем же дело! Забирай с собой свою красавицу и бегите вместе хоть в Подвинье, хоть в Поднепровье, – сказал Пятунка Евсеич. – Русь велика! Найдется где-нибудь и для вас укромный уголок. Токмо в суздальскую и рязанскую земли не ходите, впусте там все лежит после татарского нашествия.

– Что ж, перезимую среди здешних лесов, а весной уговорю Василису двинуться со мной в дальний путь, – почесав в раздумье голову, промолвил Бедослав.

Однако вместе с первым снегом и первыми заморозками на жителей села Глядены свалилась неожиданная напасть. В пятнадцати верстах к северу от их селения ливонские рыцари захватили Копорский погост, куда свозили дань чудские и ижорские князьки. На месте сожженного новгородского погоста немцы принялись возводить бревенчатую крепость. В этом дерзком вторжении вместе с ливонцами участвовали и датские крестоносцы.

На строительство крепости ливонцы сгоняли чужь и русичей из окрестных сел и деревенек, кто наотрез отказывался, того безжалостно убивали. Кроме этого, крестоносцы отнимали у смердов лошадей, скот, съестные припасы и любое железо, годное для изготовления оружия.

В Гляденах стали появляться группами и в одиночку беженцы из северных волостей, спасаясь от грабежей и притеснений крестоносцев. Кто-то задерживался в Гляденах на несколько дней, кто-то после краткой передышки следовал дальше на юго-запад в сторону Новгорода и озера Ильмень. Гляденские вольные смерды проводили в тревоге дни и ночи, наслушавшись рассказов беженцев о жестокостях и насилиях данов и ливонцев.

В середине декабря крестоносцы нагрянули и в Глядены. Ливонцев было около двух сотен, из них примерно полсотни верхом на конях, остальные пешцы. Немцы грубо врываются в дома, выискивая среди смердов прежде всего плотников и кузнецов. Добрались непрошенные гости с красными крестами на белых плащах и до займища Пятунки Евсеича.

Бедослав не стал отпираться, что смыслен в плотницком деле. Его вместе с Онисимом немецкий военачальник с орлиным носом и длинными до плеч светлыми волосами присоединил к двум десяткам гляденских мужиков, которых немцы гнали за собой. Еще ливонцам понравились кони Пятунки Евсеича, они бесцеремонно забрали у него троих жеребцов и пять кобыл.

Шагая по заснеженной лесной дороге в кучке таких же невольников, окруженных немецкими кнехтами, Бедослав с печалью сознавал, что он не просто еще дальше удаляется от Василисы, но движется навстречу опасной неизвестности.

«Похоже, мое имя сыграло со мной злую шутку, навлекая на меня тяжкие напасти одну за другой!» – размышлял Бедослав, закрывая лицо рукавицей от холодного встречного ветра.

* * *

Немецкого военачальника с орлиным носом звали Карл фон Ауэрбах. Он неплохо разговаривал по-русски, поскольку был дружен с Ярославом Владимировичем. Это был сорокалетний рыцарь, прошедший обряд посвящения в духовное братство Ливонского ордена. По предложению дорпатского епископа, ландмейстер ливонцев Андреас фон Фельбен назначил Карла фон Ауэрбаха комтуром строящейся Копорской крепости, которой надлежало охранять

новую границу владений датчан и Ордена. От старой границы ливонцы и даны продвинулись в глубь новгородских земель на целых десять верст.

Комтуров в Ливонском ордене было больше двадцати, они управляли укрепленными замками и городами. По сути, это были начальники гарнизонов и главные орденские судьи на местах. Главный комтур был третьим по важности лицом после ландмейстера и маршала, он управлял городом Венден, где находилась резиденция главы Ливонского ордена.

Крепость Копорье возвышалась на холме, господствуя над низиной, где пролегали две дороги, идущие от морского побережья к Ладогe и Новгороду. Бревенчатые стены крепости были почти достроены, образуя в плане вытянутый треугольник, одна сторона которого была обращена к одноименному новгородскому погосту, прилепившемуся к северо-западному подножию холма. Две другие стороны протянулись по краю отвесного обрыва, это были южная и восточная стены крепости, идущие под острым углом от северной стены и соединившиеся возле угловой башни, образующей некую вершину этого треугольника. Другая башня возвышалась на стыке северной и южной стен, третья – на стыке северной стены с восточной. Эта третья башня была сложена из камня, в ней находился единственный проезд в крепость.

Внутри крепостных стен все жилые постройки также были из дерева, кроме католического храма, прямоугольный остов которого ливонские зодчие из Риги и Вендена возводили из белого известняка и желтого песчаника. Камень для строительства подвозили на санях из двух каменоломен, расположенных в нескольких верстах от Копорья.

Всех согнанных на строительство крепости работников немцы разделили на четыре отряда. В самом большом из этих четырех отрядов было около семидесяти русских смердов, на них была возложена задача возводить из бревен крепостные стены и две угловые башни. Воротную каменную башню, как и храм, возводили немецкие каменщики.

В другом отряде, состоящем примерно из полусотни работников, чуди было больше, чем русичей. Этот отряд занимался валкой деревьев в лесу и доставкой уже готовых бревен к крепости. Бревна подвозили волоком, используя тягловую силу лошадей.

Самая тяжелая работа была в каменоломнях, там тоже трудились в основном чудины, а русичей было мало.

Наконец, самый маленький отряд подневольных работников, состоящий из тридцати человек, был занят на возведении построек внутри крепости. В этом отряде были собраны самые умелые плотники из русичей, а также кузнецы, которые были заняты изготовлением гвоздей, железных скоб, клиньев, топоров и пил.

Руководил этим отрядом датчанин Гутторм, хорошо говоривший по-русски, так как он часто бывал в Новгороде и Пскове по торговым делам.

Под начало Гутторма угодили и Бедослав с Онисимом.

На ночь немцы загоняли всех работников в два больших неотопливаемых амбара, возведенных внутри крепостных стен рядом с конюшнями. Утром невольников кормили кашей и ржаным хлебом, затем распределяли по отрядам и отправляли на работу, которая длилась без передышек до наступления сумерек. Вечером работников еще раз кормили опять же кашей, давали вдоволь воды и медовой сыты, после чего запирали в амбарах до рассвета.

Кто получал увечье на работе, того отводили к лекарю-дану, который лечил пострадавшего. Если увечье требовало длительного лечения, тогда немцы отпускали этого работника на все четыре стороны. Если пострадавшему длительного лечения не требовалось, то его переводили на более легкую работу.

Вместе с мужчинами-невольниками в крепости пребывали и женщины-невольницы, их было около сорока. Они готовили пищу работникам, растапливали бани в дни отдыха, латали невольникам одежду. Помимо этого, самые молодые из невольниц были вынуждены ублажать немецких и датских рыцарей на ложе. Тех из женщин, кто бурно протестовал против этого, отдавали на потеху наемникам-кнехтам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.